

B

Игорь СавинИллюстрация **Сергея Дергачева**

Протокол Канаткина

— Ваше возвращение на Землю придется немного задержать. — С таким заявлением встретили Канаткина в марсианском управлении «Медтехника», куда он был вызван за неделю до отлета. Для убедительности новость ему сообщил сам Хромов, начальник отдела корабельных медсистем.

— У меня с двадцать шестого отпуск, — вежливо напомнил Канаткин, — я женюсь.

— Это замечательно! Руководство в курсе и поддерживает! — Хромов улыбнулся. — Но вы сами знаете, какая у нас сейчас нехватка людей.

Это было действительно так — почти все специалисты находились на лунных верфях, где вводились в эксплуатацию несколько новых кораблей, остальной персонал обслуживал грузопассажирские линии: там наплыв туристов бил очередной рекорд.

— Командировка, в которую мы вас отправляем, займет две недели, и ваш отпуск, таким образом, отодвинется всего на четыре дня. А дело важное — на корабле «Неугомонный», который сейчас находится у Психеи, необходимо провести модернизацию медотсека. Вам знакома новая серия ОК-двенадцать?

— Да, у меня было три монтажа.

— Вот и чудесно! Сегодня же отправляйтесь туда и после завершения — напрямик на Землю. И женитесь себе на здоровье!

Хромов пожал Канаткину руку и ободряющим хлопыванием по плечу направил к выходу из кабинета.

«Может, надо было упереться и отказаться?» — запоздало подумал Канаткин, выходя в коридор. Но там его уже поджидала Ниночка, секретарь отдела.

— Это вам, Андрей Петрович. Вот и вот. — Она деловито вручила Канаткину бинкарту с документацией и изящными пассами на ручном интерфейсе ИнДИ

вмиг оформила командировку, места на рейсах туда и обратно.

— Быстро работает контора! — восхитился Канаткин, еще не придя в себя от стремительности происходящего.

Ниночка хмыкнула.

Покинув управление, Канаткин заторопился в свой квартал собираться в дорогу — попутный корабль ушел через два часа. Впрочем, много времени не требовалось — «походный» конбокс всегда был наготове, и оставалось только добавить в него кое-какую одежду и личные вещи. Закончив сборы, Канаткин вызвал Землю и отправил видеосообщение: «Натка! Привет! У меня для тебя потрясающая новость! Присядь, если стоишь. Присела? Меня задерживают на четыре дня!»

Ответ должен был прийти через пятнадцать минут. Такое запаздывание всегда раздражало, но зато позволяло в одном сеансе связи одновременно общаться с несколькими людьми, поэтому он сразу же отправил сообщение матери.

Наташа появилась на фоне интерьеров клиники — вызов застал ее на работе. Она улыбалась: «Канаткин, ты дуралей! Ну кто так сообщает новости! Я не присела только из-за твоей сияющей физиономии. Кстати, а чему ты так радуешься?».

Маме новость категорически не понравилась, просто категорически: «Андрюша, у нас с отцом не хватает рук! Осталась еще куча дел перед торжеством! Ты ведь помнишь, что должен привезти дядю Лешу лично, оторвать его от этой подводной плантации. И заодно тетю Машу и...»

Когда Канаткин спустился к пирсу, монтажное оборудование и контейнеры с оперкамерой были уже погружены на корабль. После короткого общения с одним из пилотов он пролетел в жилую зону корабля и разместился в стандартной пассажирской каюте. ИнДИ сразу же загрузил настройки интерьера, и через несколько минут каюта стала походить на квартал, который он только что покинул. Принцип организации жилья «езде как дома» действовал даже на самых аскетичных транспортниках. Закрепив свой дорожный конбокс в одном из отделений стенки, Канаткин улегся на уже подогнанное под него ложе и включил телевизор. Вскоре к нему наведалься карготехник.

— Проверяем, а то мало ли что... — пояснил он, осматривая крепления багажа и пассажира. — Так... все нормально... Отчаливаем через пятнадцать минут.

Вместе с сигналом старта Канаткин почувствовал мягкий толчок, вдавивший его в ложе, и увидел на экране обзора, как внутренняя стена вращающихся «торов» станции медленно поползла в сторону, словно перрон вокзала в окне уходящего поезда. Через несколько минут стена закончилась и открылось черное звездное пространство. Транспортник вышел за пределы станции, немного пролетел, затем, развернувшись, начал ускоряться. Появившееся ощущение тяжести означало, что можно вставать. Это подтвердил и голос корабельного интеллекта — Кори.

Перелет к астероиду длился семьдесят три часа. Экипаж из шести человек вел свой размеренный образ жизни, и Канаткин встречался с ним только в столовой, тренажерном зале и бассейне.

В первые часы он занялся картой монтажа. Она была просчитана интеллектом станции, когда он собирался в дорогу. Ему оставалось только ознакомиться с полученными данными и сверить их с техзаданием. Откинувшись в кресле и потягивая через трубочку марсианский морс, он изучал документацию: «Неугомонный» — корабль класса «универсал», собственность... оп-а... «романтической» компании «Далькосмос»! Интересно... Медсистема — первый класс, но старушка пятнадцатилетней дряхлости... Три модернизации...

Через пару часов он закончил, пообедал и остаток дня трудился над диссертацией по алогичным эффектам андронидных систем. Это была его вторая специальность. Половину следующего дня он провел в грузовом отсеке, настраивая монтажных роботов. Потом опять пыхтел над диссертацией.

Комплекс «Железный», в просторечии «Железяка», куда командировали Канаткина, занимался промышленным освоением Пояса астероидов и состоял из двух орбитальных станций и одной наземной, размещенной на поверхности Психеи. Кроме того, «Железный» связывал ближние и дальние маршруты Солнечной системы и, соответственно, являлся крупным грузопассажирским транспортным узлом.

Оказавшись здесь впервые, Канаткин с интересом наблюдал за подлетом к комплексу. Станция-завод, куда направлялся транспортник, выглядела стандартно для такого типа «орбиталов»: три вращающихся «тора» жилой зоны плотно охватывали вытянутый массивный «цилиндр» — заводскую часть станции.

Транспортник, приблизившись к торцу «цилиндра», где располагался грузовой порт, проделал несколько маневров и медленно вошел в одну из свободных секций стыковки.

Через полчаса, попрощавшись с экипажем, Канаткин, толкая впереди себя конбокс, вылетел на шлюзовую площадку, где вдоль стены на рельсе висели автоматические пассажирские капсулы. Он сбросил свой конбокс в багаж-магистраль для доставки на этаж гостиницы, а сам забрался в ближайшую у выхода капсулу. Маршрут высветился на панели — ИнДИ, связавшись с местной сетью, уже управлял его перемещением по станции. Капсула, мягко двинувшись, выскользнула в общий коридор пирса, оказавшийся совершенно пустым. Только иногда на соседних стыковочных платформах кто-то появлялся и вновь исчезал. Коридор завершался переходом в один из осевых тоннелей, по которому Канаткин проехал до шахты, ведущей в обитаемую часть станции. Здесь люди встречались чаще, и на площадке у лифта даже образовалась очередь. После небольшого ожидания капсула Канаткина нырнула в свободную кабину лифта и через минуту выскочила на этаже отдела техобслуживания. Там его ждали.

Начальник отдела Дуксон, долговязый мужчина лет сорока, обрадованно пожал ему руку:

— Очень вовремя вы прибыли! Выстриков мне уже снится со своим «когда?». — Заметив вопросительный взгляд Канаткина, он пояснил: — Выстриков — капитан корабля «Неугомонный». Грандиозная личность. Бульдог космических просторов: вцепится — не оторвать. Жаждет вашего появления. Андрей Петрович, надо сделать все возможное, чтобы легенда «Далькосмоса» наконец оставила наш отдел в покое. Когда вы планируете начинать?

— Я бы хотел прямо сейчас.

Дуксон еще больше обрадовался:

— Вот! Все бы так! Приступайте, приступайте немедленно!

Они еще немного поговорили, обсуждая предстоящий монтаж, и Канаткин в сопровождении техника Валеры отправился на корабль.

Выстриков нашелся на палубе управления. Коренастый, плотный мужчина с короткой шеей и стрижкой ежиком висел над пультами, разговаривая с человеком в желтой робе. С выдвинутой вперед нижней челюстью Выстриков действительно походил на бульдога. Он окинул Канаткина цепким взглядом:

— Вы медтехник? Подождите маленько, я сейчас...

Освободившись, Выстриков ловким пируэтом развернулся в воздухе и сам подлетел к Канаткину.

— Ну здравствуйте, дорогой товарищ. Наконец-то вы до нас добрались. Не торопится ваша служба, не торопится... А мы, напротив, мы спешим... Когда же ожидать завершения вашей работы?

Похоже, это было то самое «когда», омрачавшее жизнь техников Психеи. Канаткин ответил предельно кратко:

— Через сто сорок четыре часа.

Было видно, что Выстриков не считает это быстрым и расторопным, однако он только сказал:

— Ну что ж, приступайте.

Пока Канаткин согласовывал свои действия с инженером-механиком корабля, Валера с помощью кранов-манипуляторов установил напротив технологического люка медотсека монтажную платформу и выгрузил на нее контейнеры с оборудованием. После осмотра корабельной оперкамеры и внесения поправок Канаткин активировал роботов. Они нырнули в медотсек и вскоре начали выносить на платформу детали конструкции старой оперкамеры.

В середине следующего дня Канаткина неожиданно вызвали в отдел. В кабинете, кроме Дуксона, находился Выстриков. Дуксон, указывая Канаткину на кресло, спросил:

— В каком состоянии модернизация медотсека?

Канаткин слегка насторожился:

— Демонтаж старой оперкамеры завершится через пару часов.

Начальник отдела удовлетворенно кивнул:

— Это хорошо... — И посмотрел на капитана «Неугомонного».

— Андрей Петрович, — заговорил Выстриков, — возможно, вы слышали, что на Тритоне, спутнике Нептуна, сейчас работает экспедиция Института планетосфер. Она готовится через три месяца, во время извержения криовулкана, провести уникальное исследование подледного океана. Однако несколько часов назад криовулкан неожиданно проснулся. Раньше, чем рассчитывали. Это вынуждает приступить к эксперименту немедленно. Но для этого необходим автоматический зонд, который сейчас находится на борту «Неугомонного». Его надо доставить на Тритон как можно быстрее. «Неугомонный» готов вылететь, но есть две проблемы. Первая — без оперкамеры корабль не допустят к эксплуатации. И вторая — на борту нет врача. Врач должен прибыть через неделю. — Выстриков сделал небольшую паузу и продолжил: — Эти проблемы можно решить прямо сейчас, если вы согласитесь полететь с нами. У вас подходящая для этого медицинская квалификация. А установку оперкамеры вы завершите во время перелета. Как мне сказали, это допускается в подобных случаях, и разрешение уже получено.

Канаткин расстроился: «Да, что же это такое! Дадут мне жениться или нет!»

Сдерживая раздражение, он сказал:

— Послушайте, у меня отпуск, я женюсь через десять дней! А полет до Нептуна и обратно займет не меньше месяца!

При слове «женюсь» Выстриков сощурился и, поджав губы, внимательно посмотрел на Канаткина. Дуксон, сочувственно закивав, сказал:

— Да-да, конечно, это учитывалось, и поэтому я уже сделал вызов другого специалиста. Однако он прибудет сюда только через шесть суток. А счет, как я понимаю, — он опять посмотрел на Выстрикова, — идет на часы.

Канаткин молчал, пытаясь сообразить, как вывернуться из этой ситуации. Выстриков, немного подождав, сухо произнес:

— Андрей Петрович, от вашего решения будет зависеть судьба эксперимента, который готовили целый год тысячи людей. Подумайте хорошенько об этом. — И уже обращаясь к Дуксону, добавил: — Я буду на корабле.

На седьмой день полета монтаж операционной был закончен, и Канаткин собирался с утра провести завершающее испытание. В коридоре, ведущем в медотсек, он столкнулся с Глебом, вторым механиком.

— О! Здорово, док! Как настроение?

Канаткин буркнул:

— Нормально.

— Парни сказали, что ты опять Ефремычу дерзил.

Канаткин поморщился:

— Петр Ефремович сделал мне критическое замечание, с которым я не согласился.

— Ага. Капитан после тебя так взбодрился, что потом целый час «критиковал» весь остальной корабль вдоль и поперек. — Механик улыбнулся: — Андрей ты наш Петрович! Не надо подкидывать дровишки в извергающийся вулкан. Нашему острову лишние командирские пеплы

ни к чему. Ты не единственный папуас на этом корабле.

Канаткин опять поморщился и, меняя тему разговора, спросил:

— Давно хотел узнать: а куда подевался ваш корабельный врач?

Глеб хохотнул:

— А он тоже женился. Как говорит капитан, в самый неподходящий для коллектива момент.

— Так что же, он из-за этого цепляется? — пробормотал Канаткин.

Глеб улыбнулся:

— Капитана можно понять — он переживает. В слабой истории нашего корабля это уже четвертый случай «дезертирства» из-за женитьбы. И что интересно, все эти «негодяи» — врачи. Это ведь явно что-то нездоровое, даже хроническое.

— Но я-то тут при чем? Я здесь случайно и временно!

— Здра-сь-те! А мы тебя уже почти усыновили — так ты нам понравился! Особенно капитану! — Глеб опять хохотнул. — И вообще, бросай свою «Медтехнику» и давай к нам.

Канаткин в сердцах ответил:

— Да ни за что!

Межзвездный астероидный рой, два месяца назад вторгшийся в Солнечную систему со стороны скопления Ясли, как гигантская плеть, все глубже и глубже рассекал плоскости планетных орбит. Он пока оставался незамеченным — основные силы вторжения были еще на подходе.

Железокаменный скиталец, летящий в авангарде этого огромного роя, столкнулся с «Неугомонным» почти под прямым углом. Плазменный щит испарил твердую материю, но не смог полностью удержать образовавшийся сгусток плазмы, часть которой кумулятивной струей пронзила корабль вдоль оси.

Канаткин плыл в тягучем тумане, разгребая его руками и ногами, и никак, никак не мог зацепиться хоть за что-нибудь. Возникшая боль в голове и теле усиливалась пульсирующими толчками. Чей-то голос сначала тихо, затем все громче звал его:

— Андрей Петрович! Очнитесь! Андрей Петрович, подъем! Да очнитесь же вы!

Наконец глаза разлепились, и Канаткин постепенно фокусирующимся зрением обнаружил себя висющим посередине полутемного оперблока, освещаемого вспышками аварийной лампы. Вокруг парили контейнеры, пакеты, медицинские инструменты. Невесомость?!

— Ну наконец-то! — прозвучал с радостной интонацией чей-то мужской голос.

Мысли путались. Канаткин попытался ощупать голову, но это удалось сделать только левой рукой, движение правой вызывало столь сильную боль, что он охнул. Волосы на затылке оказались липкими от крови.

Незнакомый голос снова произнес:

— Андрей Петрович...

Канаткин, озираясь, спросил:

— Кто это говорит?

— Ну кто говорит... Интеллект медотсека Корней Иванович говорит, кто же еще. Я очень...

— Кто?!

— Корней Иванович. Можно просто: Корней.

Канаткин был в смятении — голова раскалывалась от боли, а тут еще этот странный... Корней. Галлюцинации?!

— Что происходит? — простонал он.

— Андрей Петрович, я непременно расскажу, что происходит, но сначала...

Краем уха слушая этот странный голос, Канаткин попытался дотянуться до стены и, не сдержавшись, застонал — сильная боль пронзила грудь. Он кое-как поймал одну из металлических коробок и, оттолкнув ее от себя, медленно отлетел к выходу из отсека. Дверь оказалась заблокированной. Канаткин несколько раз нажал на панель замка — безрезультатно. Прильнув к стеклу двери, он всмотрелся в темноту и вдруг увидел там... звезды! Оперблок одиноко плыл в открытом космосе среди обломков медотсека.

Канаткин невольно отшатнулся от раскрывшейся перед ним бездны. Этим движением его понесло к противоположной стене, где он судорожно вцепился в панельные скобы. Дыхание участилось, усиливая режущую боль в груди. В голове запульсировало: «Этого не может быть... этого не может быть...» Он боялся повернуть голову в сторону двери. Ему казалось, что она сейчас лопнет и черный, мертвый космос ворвется в отсек. Из оцепенения его вывел настойчивый голос:

— Хочу заметить, Андрей Петрович, что температура в отсеке критично снизилась и энергосистему надо переводить на автономку. Давайте поспешайте, если не хотите задубеть!

Только сейчас Канаткин почувствовал, что в оперблоке холодно. Из рта вырывался морозный пар. Он пригляделся и, определив, где располагалось отделение с аварийными аккумуляторами, перелетел туда.

С запуском энергосистемы включился свет и повеяло теплом.

Интеллект отсека тем временем выдал следующие инструкции:

— А теперь аварийную систему жизнеобеспечения запускайте, а то нам скоро дышать будет нечем.

Канаткин нашел красный указатель «АСЖО» и, вскрыв под ним панель, утопил кассету с кислородными шашками в разъемы. То же самое проделал с поглотительными патронами. Он знал, как это делается, и без подсказок корабельного интеллекта, но этот голос действовал успокаивающе, и Канаткин послушно следовал указаниям.

Закончив, он обнаружил, что теперь может без паники думать о происходящем. Перебрался на место хирурга-оператора и закрепил себя в кресле. Далось ему это с трудом — боль в теле усилилась и отзывалась на каждое движение.

— КорИ... то есть Корней... в каком состоянии оперблок?

— Еще не все проверено, но пока на «четверочку».

— Это как? — Манера речи этого КорИ удивляла Канаткина.

Интеллект отсека ответил с интонацией терпеливого учителя:

— Уровень безопасности и функциональности отсека — восемьдесят семь процентов. Запасов воздуха на десять суток, энергии — на четырнадцать суток. Вы меня спрашивали, что произошло. Вам это по-прежнему интересно?

— Да-а... Да, конечно!

— Ну тогда дело было так. Аварийный режим запустился в десять двадцать шесть по бортовому времени. Через секунду на корабле бабахнул взрыв, и в отсеке все накрылось — связь, энергоснабжение. Вы врзались в стенку и отключились. Короче, кошмар и катастрофа! Но тут проснулся я — куда ж без меня при таких раскладах. И все опять зашевелилось — мастерство ведь не проспийшь. Не сразу, конечно. Минут семь ковырялся с системками... — Корней рассказывал о случившемся с ноткой восторженности. — По ВК-связи успел немного поболтать с кораблем, пока он не скрылся...

Канаткин возбужденно прервал:

— Так, значит, «Неугомонный» цел?!

— Ну-у... наполовину точно, судя по некоторым данным. Вообще, у меня мало инфы — в таком радиообмене корабль задает вопросы, а не я. Но про вас я сообщил — значит, наверняка будут искать. Да и «Космофлот» уже напрягся — такое ЧП он точно не прозевает. Самые близкие базы, с которых могут выйти спасатели, это «Океан» у Сатурна и «Железяка». Время подлета — от шести до восьми суток. Запасов у нас хватает, так что расслабьтесь, Андрей Петрович, ждите и скучайте.

Канаткин облегченно выдохнул. Ситуация теперь не казалась такой жуткой и безнадежной. И наконец-то можно было заняться собой — ИнДИ сообщал об ухудшении жизненных показателей. Канаткин и сам чувствовал, что ему становится все хуже и хуже. Он запустил мониторинг операционной камеры, чтобы убедиться в ее исправности. Все было в норме. Хорошо, что еще вчера он загрузил полный комплект операционных инструментов и расходных материалов для завершающего тест-прогона.

— Вот и проверим... — пробормотал Канаткин.

— Что, подлечиться решили? — осведомился Корней — Правильно! Выглядите вы скверно.

В боксе стерилизации Канаткин разделся и осмотрел себя в зеркале — на правом боку расцвели гематомы, рука распухла.

— Ничего, сейчас мы это поправим, — проговорил он, возвращаясь в отсек.

Створки дверей оперкамеры с мягким шипением открылись, и медицинский интеллект МедИ женским голосом поприветствовал его. Канаткин занял место между двумя стойками, опустив ноги к светящемуся овалу разметки. С боков выдвинулись манипуляторы фиксации и, мягко зажав его в своих объятиях, перевернули и внесли в операционную зону. Чуть сильнее загнуло, вокруг тела

заскользили устройства сканирования — началась процедура диагностики. МедИ комментировал:

— Перелом ребер... ушибы... сотрясение мозга...

По окончании диагностики появились роботы-хирурги и взялись за дело. Боль в теле сразу исчезла, и Канаткин прикрыл глаза — его охватили легкая эйфория и спокойствие.

Операция завершилась возвращением Канаткина к выходу из камеры. Рука и грудь оказались стянуты единым упругим корсетом. Выстриженную часть затылка прикрывал эластичный овальный пластырь. Канаткин повел рукой, проверяя ее подвижность. Бинт-лента корсета тут же запищала, и голос МедИ предупредил:

— В течение пяти дней воздержитесь от нагрузок. Выход за границы допустимых движений будет сопровождаться сигналом.

Канаткин достал свежий комплект хирургического белья, оделся и вернулся в операторское кресло. Тут же заговорил Корней:

— Андрей Петрович, дали бы мне доступ к ресурсам этой красотки МедИ. Что этим мозгам простаивать? А мне полегче будет — на пределе пашу.

Канаткин изменил настройки, и интеллект отсека довольно заурчал:

— Хор-р-рошо, чер-р-товски хор-р-рошо! Совсем другое дело! Мысли теперь, как альбатросы...

Андрей поинтересовался:

— Уже несколько часов прошло, а связи до сих пор нет. Чем это можно объяснить?

Корней вздохнул — Канаткин явно услышал шипящий звук:

— Да много чем... Устройства связи неисправны... Экипаж другим озабочен. Ведь пока не ликвидируют все кошмары и не проверят основные системки, ничем иным заниматься не будут, в том числе и «гражданами за бортом». Двигатели при таких обломах не запускают, поэтому доставать нас будут катером.

— А как далеко мы от корабля?

— Километров семьсот. Оперблок удаляется со скоростью сто метров в секунду. Учитывая предполагаемую степень раздолбанности «Неугомонного», ковырять проблемы будут не меньше суток, и за это время отсек отнесет примерно еще на восемь тысяч километров.

— Значит, как минимум, сутки... — пробормотал Канаткин. — А если...

Корней неожиданно резко прервал его:

— О-па! А у нас давление в отсеке падает! Где-то сквозит по правому борту. Не могу точно определить, где именно! Давайте, Андрей Петрович, ищите и заделывайте!

Канаткин выругался. Он перелетел к нише с аварийным ремкомплектом и, вооружившись устройством поиска утечек, стал методично обследовать помещение. Вскоре он нашел это место. Сняв панели обивки, добрался до стенок корпуса и, выбрав ближайшую к зоне утечки технологическую точку, прикрепил к ней баллон с герметиком. Сделав впрыск, стал ждать. Смесь, введен-

ная в полости слоев корпуса, должна была заполнить на площади в пол квадратных метра все пустоты, трещины и отверстия.

Через некоторое время Корней сообщил:

— Давление продолжает падать. Неслабо дует. Похоже, там несколько трещин.

Канаткин определил другое место утечки и повторил все манипуляции с герметиком.

— Падает, но уже меньше, — доложил Корней.

Канаткин перешел к следующей точке — впрыснул...

Это повторялось, пока в баллоне не закончился герметик. Падение давления хоть и замедлилось, но так и не остановилось. Канаткин снова почувствовал тянущее, неприятное напряжение в животе. Он вытер ладонью вспотевший лоб.

— Когда закончится воздух?

Корней, чуть помедлив, ответил:

— Через двадцать пять часов.

— Проклятье! Так мало! — с отчаянием вскрикнул Канаткин. — Какое критическое время при спасении с «Неугомонного»?

— Если в течение двадцати двух часов не будет связи или не получим поискового сигнала, спасательная операция станет невозможной — воздух в оперблоке закончится раньше, чем катер доберется до отсека и проведет шлюзование.

«Двадцать два часа. Можно ли за это время починить устройство связи?» — Канаткин невольно представил, как экипаж делает сейчас эту работу, и ему захотелось их поторопить. Потом он подумал, что, кроме связи, может быть поврежден и катер, размещавшийся на два уровня ниже, под медотсеком. А это значит, что сделать уже ничего нельзя и ему точно конец.

«Стоп! — опомнился Канаткин — Этого пока нет. И не будет! Надо что-то придумать на крайний случай. Но что? Так... Главное, сохранить воздух и меня вместе с ним. Но где? В оперблоке нет ничего герметичного в таком объеме... Большой медицинский контейнер сохранения находился в разрушенной части медотсека. А здесь только средние и малые КС — в эти чемоданы не залезешь...»

Он вдруг представил, как о его смерти сообщает матери и отцу. Кажется, это делается при личном посещении семьи погибшего представителями «Космофлота». А как об этом узнает Натка?!

Канаткин тряхнул головой и, чтобы отвлечься и прервать страшные фантазии, настойчиво лезшие в голову, стал вспоминать счастливые моменты своей жизни.

Наташу он встретил на третьем курсе института. Это случилось в парке, на занятиях физкультурой. Он загляделся на светло-русую девушку в компании легкоатлетов, тренировавшихся неподалеку. И с того момента постоянно думал о ней. Он узнал ее имя, выяснил, в какой группе она учится, узнал расписание ее занятий. Он ходил смотреть на нее, не решаясь познакомиться. Неизвестно, сколько бы продолжалось это «увлечение на расстоянии», но через три месяца

они неожиданно столкнулись на зачете по ампутации и попали в одну пару «хирург–ассистент». Оказавшись в такой близости от объекта страсти, Канаткин совершенно забыл про зачет и был охвачен чувствами, которые накатывались на него от касания ее локтя, от вида завитка волос на ее шее... Кончилось тем, что он запорол операцию, «зарезав» манекен-пациента. Их оставили на пересдачу и попросили подождать. Они сидели одни в лабораторном классе, и вид у Наташи был очень сердитый.

— И что это было? Ты что, двоечник? — спросила она.

Канаткин понимая, что история его любви сейчас закончится, едва начавшись, взял и признался в своих чувствах. Что именно он тогда наговорил, он не помнил, но Наташа, порозовев от смущения, выслушала его и, немного помолчав, сказала:

— Так, понятно. Но сначала надо пересдать зачет.

Это воспоминание вызвало на лице Канаткина улыбку... И вдруг он замер... Мелькнувшая мысль была дикой и абсурдной, но она захватила его.

«Надо хотя бы проверить», — решил он.

Просмотрев свои антропометрические данные, он удовлетворенно хмыкнул.

«Так... это проходит... «меднаников» целая бочка... крови тоже... Самое сложное в этом безумии — «пятое рассечение»... Теоретически на этом оборудовании его можно сделать...»

Это был шанс! Единственный шанс, если в контрольное время спасательная операция не начнется.

В течение следующих двадцати часов он составлял программу и после нескольких проверок загрузил ее в систему. Потом отловил и закрепил все, что летало по отсеку. Закончив подготовку, Канаткин вернулся в операторское кресло. До завершения контрольного срока оставалось меньше получаса.

— Корней, — позвал он, — хочу спросить: а кто создал тебя, ты знаешь?

— Конечно, знаю. Леня Бургасов. Первый врач этого корабля. Виртуоз скальпеля и преферанса. Он модифицировал исходный интеллект отсека, добавив личностные алгоритмы одного своего закадычного приятеля. Уходя, он запретил мне вмешиваться в корабельную деятельность. И вообще велел не отсвечивать. Поэтому я только наблюдал и размышлял. Если встретите Бургасова, передавайте ему привет от Корнея. И братишке моему, копии моей, которую он сделал перед уходом, тоже приветик.

Канаткин невольно улыбнулся:

— Обязательно передам. Но думаю, ты и сам сможешь это сделать — я написал рапорт о сохранении твоей личности.

Когда время ожидания вышло, Канаткин приступил к задуманной операции, не колеблясь. Полностью раздевшись, залез в камеру «чистилища» и через несколько минут был наголо обрит, помыт и отчищен до гладкой синевы. Перелетая в операционную, он отдал Корнею последнее распоряжение:

— Когда усну, постепенно снижай обогрев и все ресурсы переводы на оперкамеру.

— Сделаем, Андрей Петрович! Удачи вам! А я, пожалуй, опять спрячусь от греха подальше.

Только в операционной зоне, когда роботы-хирурги, похожие на многоруких богов, склонились над ним, он все же испытал приступ страха и сомнений. Но это продлилось всего одно мгновение, после которого он провалился в забытье.

Спасательный катер приблизился к медленно вращающимся остаткам медотсека и выпустил роботов ориентации. Маневрируя, они окружили полуразрушенную конструкцию и, сблизившись, закрепились на ней. Затем короткими импульсами своих двигателей постепенно остановили ее вращение.

На катере знали, что в оперблоке нет воздуха, поэтому, не применяя шлюзование, просто захватили отсек манипуляторами и установили напротив люка правого борта. Вскоре он открылся, и в нем появились спасатели в оранжево-красных скафандрах. Немного повозившись с замком оперблока, они сообщили:

— Дверь разблокирована. Мы входим.

В рубке катера на экране обзора возникло изображение темного помещения, частично освещаемого фонарями скафандров. Через некоторое время раздался удивленный голос:

— А тут никого нет!

— Как это никого нет? — переспросили с катера. — Там должно быть тело! Вы точно все просмотрели?

— Да тут и смотреть негде. Все на виду, не спрячешься... Подождите...

Один из спасателей подлетел к месту хирурга-оператора — его привлек одинокий оранжевый огонек питания на панели управления. Включив пульт, спасатель всмотрелся в засветившийся экран:

— Медицинский протокол номер один. Исполнитель — Канаткин А.П. Ампутация конечностей и головы...

— Спасатель запнулся, а затем воскликнул: — Мама родная! Да он же здесь! Вот в этих контейнерах! — И указал на стеллаж оперкамеры, где мерцали сигналами активности шесть контейнеров сохранения.

На террасу клиники вышел невысокий молодой человек в одежде пациента. Он огляделся по сторонам, улыбнулся и направился к девушке, стоявшей под раскидистыми кленами. Она, заметив его, быстрыми, легкими шагами пошла навстречу. Когда они сблизились, девушка потянулась, обхватывая мужчину за шею, но тут же отпустила.

— Ну, что ты? — спросил он.

— Никак не могу привыкнуть... — Она вздохнула и осторожно провела пальцами по едва заметному шраму, тонкой нитью протянувшегося вокруг его шеи.